

Brandner, Aleš

[Камчатнов, Александр Михайлович. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века]

Linguistica Brunensia. 2013, vol. 61, iss. 1-2, pp. 253-257

ISBN 978-80-210-6254-2

ISSN 1803-7410 (print); ISSN 2336-4440 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/127176>

Access Date: 21. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

komparativu a/nebo superlativu (např. *dlouhý: do nejdelší smrti; krátký: nejkratší cesta; mladý: mladší doba kamenná*); dále mezi jmenované nepravidelnosti autoři řadí termíny, frazeologická pojmenování a toponyma. Podle individuálního úzu a jazykového povědomí autorů jsou jako termíny uvedeny např. *hladký: hladké svalstvo, hladká sazba, hladký běh; lehký: lehký kov, lehký benzín, lehký olej, lehké stavivo, lehký beton, lehká půda, lehký kulomet, lehké dělo, lehké dělostřelectvo, lehký křižník, lehká atletika, lehká doba; востры: востры вугал; новы: новы стыль*. Výběrový výčet termínů jistě není vyčerpávající, ale slouží jako srozumitelná ukázka výskytu daných adjektiv v terminologických pojmenováních obou jazyků.

U frazeologických pojmenování autoři neuvádějí, která kritéria pro výběr frazémů zvolili, ale popisují, že v této práci frazeologii chápou velice široce. Autoři tak jako české frazémy uvádějí také spojení, která bychom obvykle jako frazémy nenazvali (např. *bohatý: látka bohatá na kyslík, jazyk bohatý ve výrazových prostředcích; ošklivý: říci něco ošklivého; rozumný: to není rozumné; silný: je silný 2 mm, zeď silná 15 cm; velký: velký dva hektary, ten klobouk je mu příliš velký*). Domníváme se, že pro publikaci zaměřenou komparativně a lingvodidakticky by bylo vhodnější klást důraz především na jednotky, které jsou vysoce uzualizované a nezaměnitelné, a bylo by příhodné je doplnit o odpovídající význam, neboť právě frazeologická pojmenování bývají pro studenty cizího jazyka nejméně srozumitelná a je vhodné se je učit spolu s významem slov; pro překladatele představují frazémy mnohdy také obtíže, zvláště pokud se jedná o frazémy vycházející ze současného úzu.

Jako specifická spojení uvádějí autoři výběrově také toponyma, v nichž se vyskytují daná adjektiva (např. *velký: Velká Británie, Velká Praha, Velká Morava, Veliká Rus; новы: Новая Зеландия, Новы Свет, Новая Гвінея*).

Za slovníkovou částí, která představuje kolokace adjektiv, následuje ještě soupis všech zpracovaných adjektiv a přehled základních dvojic českých a běloruských opozit. Knihu uzavírá závěrečné shrnutí nejdůležitějších tezí publikace, závěr je v českém a anglickém jazyce.

Na závěr našeho textu bychom chtěli také upozornit na velice zdařilou grafickou a typografickou úpravu knihy a ještě jednou zdůraznit, že publikace předkládá značně cenné odkazy na běloruskou literaturu, která se týká problematiky kompatibility lexikálních jednotek. Publikace kolektivu pracovníků PedF Praha a FF Minsk je jistě přínosem pro poznání části slovní zásoby češtiny a běloruštiny, navíc se může stát materiálovým východiskem pro další teoretické konfrontační zkoumání těchto jazyků.

Příspěvek vznikl v rámci grantového projektu specifického výzkumu *Čeština v jednotě synchronie a diachronie – 2012* (MUNI/A/0762/2011).

Zuzana Děngeová
<zdengeova@centrum.cz>

Камчатнов, А. М. : История русского литературного языка (XI – первая половина XIX века). Учебное пособие. 2-е изд. Москва, Издательский центр «Академия», 2008. – 688 с. ISBN 978-5-7695-5599-2

Рецензируемое учебное пособие представляет собой изложение русского литературного языка от времени его возникновения до второй половины XIX в. Его автором является современный русский языковед и текстолог, исследователь культуры Древней Руси, доктор филологических наук Александр Михайлович Камчатнов, профессор Московского педагогического государственного университета. Предлагаемой работе предшествовало издание двух книжных монографий: *Лингвистическая герменевтика* (1995) и *История герменевтики славянской Библии* (1998), а также ряд статей из области текстологии и языка памятников древнерусской литературы.

Настоящее учебное пособие составляет описание общей линии развития русского языка в целом, главным образом с учетом письменно-литературного языка. Очень сложна и до сих пор в науке удовлетворительным способом окончательно не решена проблема периодизации истории русского языка. Нет сомнения, что основными вехами здесь оказываются X–XI вв. (принятие христианства, возникновение письменности), XIV в. (окончательное прекращение общевосточнославянского языка, политического и языкового единства) и XVIII в. (период образования новорусского литературного языка). Исходя из этого К. выделяет три периода: первый – XI–XV вв. (киевский), второй – XV – первая половина XVII в. (московский), третий – вторая половина XVII в. – до настоящего времени.

Языковую ситуацию Киевской Руси К. характеризует одноязычием. Литературным языком был, по его мнению, древнерусский (в основе которого лежал старославянский), разделившийся на три основных стиля – сакральный, славяно-русский и деловой. К. не различает термины «старославянский язык» и «церковнославянский язык». В своих изложениях он пользуется лишь первым термином, или при описании позднейших периодов употребляет термин «славянский язык». Процессы взаимодействия русского и церковнославянского языков древнейшей поры настолько сложны, что до сих пор среди ученых нет полного единогласия по вопросу происхождения русского литературного языка. Существует несколько противоположных трактовок этой проблемы, которые в настоящей работе разбираются. Согласно одной из них, сформулированной А. А. Шахматовым, древнерусский литературный язык – это был в своей основе церковнославянский язык, подвергшийся обрусению. Согласно же другой концепции, выдвинутой С. П. Обнорским, древнерусский литературный язык образовался на восточнославянской народной речи, а лишь впоследствии подвергался взаимодействию со стороны церковнославянского языка. Компромиссная точка зрения была высказана В. В. Виноградовым. Он считал, что в данный период образовались два структурных типа языка книжно-славянский и народно-литературный; оба типа образовали уже в XI–XII вв. признаки стилистической дифференциации. В. В. Виноградов ставил решение вопроса об образовании древнерусского литературного языка в зависимость от процессов формирования древнерусской литературы; указывал на то, что характер языковых стилей языка был обусловлен жанровым строением древнерусской литературы. Подобную, по нашему мнению, более убедительную точку зрения по данной проблематике высказал уже скончавшийся московский славист Н. И. Толстой, имя которого в настоящем пособии не упоминается (см. *История и структура славянских литературных языков*, Москва, 1988, 34–108). В 1960–1980-е годы в работах некоторых ученых возродились старые концепции происхождения русского литературного языка, а именно концепция А. А. Шахматова о славянской основе русского литературного языка (Б. Унбегаун), концепция двуязычия (А. В. Исаченко, Ф. П. Филин и Д. С. Лихачев). К ним К. относится критически. Под сомнение он ставит также концепцию ситуации диглоссии современного московского русиста Б. А. Успенского. К. отстаивает мнение, что языковая ситуация в Киевской Руси была одноязычной, роль литературного языка выполнял древнерусский литературный язык, в образовании которого участвовали две стихии – старославянская и восточнославянская. В книге рассматриваются его основные стилистические „ветви“ – сакральный, деловой и славяно-русский стили. Последний характеризуется синтезом двух основных стихий – старославянской и восточнославянской (древнерусской). Под синтезом понимается соединение в пределах одного произведения генетически разнородных элементов, которые выполняют в нем различные стилистические функции. Отдельные стили исследуются на языке избранных памятников.

В XI – XV вв., т. е. в самый ранний период, появились специальные лексикографические и грамматические сочинения. К первым относятся: 1) словари-ономастиконы, 2) словари-символики, 3) словари славяно-русские. Ко вторым можно отнести сочинение черноризца

Храбра *О письменехъ и Рассуждение Иоанна экзарха болгарского о славянском языке*, предшествующие его переводу *Богословия* св. Иоанна Дамаскина.

Языковая ситуация в Московском государстве характеризуется К. двуязычием. Функции литературного языка выполняли церковнославянский и древнерусский языки. К. употребляет термины „славянский“ и „среднерусский“. Древнерусское время он ограничивает XIV в., а для обозначения периода с XV по XVII в. использует условный термин „среднерусский“. Церковнославянский и русский языки стали выполнять разные культурные функции, и поэтому дополняли друг друга. В книге анализируются письменные памятники обоих литературных языков. В связи с двуязычием возникла пуристическая тенденция к очищению книжного языка от просторечия. Данное явление связано с т. наз. вторым южнославянским влиянием. Под руководством болгарина митрополита Киприана произошла правка богослужебных книг. Она означала искусственную архаизацию языка. Церковнославянский язык представлял собой в данный период в своих функциях язык интернациональный, поэтому возникло стремление очистить его от проникновения тех элементов разговорного языка, которые в него попали в результате постепенной русификации. Второе южнославянское влияние было периодом, который представлял собой одну из последних вершин расцвета церковнославянского языка на русской почве. Выделились две его разновидности – московская (XV – XVI вв.) и юго-западная (XVI – XVII вв.). После присоединения Юго-Западной Руси к Московскому государству юго-западная разновидность вступила во взаимодействие с московской и в значительной степени вытеснила ее. Древнерусский (среднерусский) литературный язык испытывал как влияние разговорной речи, так и церковнославянского языка. Основной сферой применения древнерусского языка была деловая письменность. В тот же период на основе московского говора сформировалось общенациональное разговорное койне. Это был язык близкий к разговорному с заметными влияниями церковнославянского. К. называет его языком синтетическим. Церковнославянский язык в это время стал предметом лингвистической обработки как в лексическом (*Лексикон славенороссийский* П. Берынды, *Книга лексикон греко-славено-латинский* Е. Славинецкого), так и в грамматическом плане (*О восьми частях слова* св. Иоанна Дамаскина, *Сказание о писменех* К. Костенеческого, сочинения М. Грека, славянский перевод грамматики Д. Элия, выполненный Д. Герасимовым, *Грамматика славенска* Л. Зизания, *Грамматика Славенския правильное Синтагма* М. Смотрицкого, которая считалась высшим достижением грамматической мысли своего времени).

В середине XVII в. Российское государство вступило в очень сложный период своего развития, когда завязались религиозные, политические, культурные и экономические проблемы. Это повлияло на языковую ситуацию в России. В ряду этих конфликтов первым стоял церковный конфликт. В 1596 г. произошло учреждение патриаршества Русской православной церкви. Патриарх Никон ввел мероприятия по изменению обрядовой стороны богослужения и исправлению церковных книг в соответствии со состоянием церковнославянского языка юго-западного извода. Это привело к церковному расколу. Некоторые историки обозначают данный период термином „третье южнославянское влияние“. С этого времени датируются расхождения Никона с боголюбцами (староверами, старообрядцами). Сложилась весьма своеобразная языковая ситуация. Старообрядчество превратилось в религиозное движение низов общества. В языке церковных книг употребляли старый московский вариант церковнославянского языка. Наоборот, официальные власти обратили свои взоры к церковнославянскому языку, который был принесен в Москву из Киева. В настоящем пособии разбирается язык старообрядческой литературы. Идеологом старообрядчества был гениальным писателем протопоп Авакум Петров.

Период со второй половины XVII в. до настоящего времени К. обозначает периодом Нового времени. Языковую ситуацию он характеризует разрушением двуязычия и постепенным

формированием норм современного русского литературного языка. В этом периоде он выделяет несколько эпох (подпериодов).

В Петровскую эпоху на основе московского койне начал складываться собственно русский литературный язык на национальной русской основе. В образовании нового языка деятельное участие принял сам император. Он ориентировался на тот языковой узус, который сложился в приказах. Внешним проявлением перехода к новорусскому национальному языку была реформа письма: вместо кириллицы по инициативе Петра Первого был введен „гражданский шрифт“. В данную эпоху было разрушено двуязычие. Грамматической основой нового языка стала „простая“ речь. Этот язык был стилистически неупорядоченным. В нем еще не сложилось самого грамматического и лексического узуса.

Послепетровское время можно характеризовать поисками такой формы литературного языка, который мог бы функционировать во всех сферах культуры, был бы грамматически и стилистически нормированным. Вопросом, как строить новый литературный язык, занимались как писатели, так и филологи середины XVIII в. В настоящем пособии анализируются взгляды на этот вопрос А. Д. Кантемира и В. К. Тредиаковского. Первый осуществлял в своем творчестве на народно-разговорной основе синтез различных языковых стихий, второй первоначально стоял на той же позиции, однако впоследствии, наоборот, поставил под вопрос разрыв с церковнославянской традицией, происшедшей в Петровское время.

В Ломоносовскую эпоху сформировалась классицистская система трех стилей и произошла нормализация литературного языка в *Российской грамматике* М. В. Ломоносова. М. В. Ломоносов направил развитие русского литературного языка, подобно как А. Д. Кантемир, по синтетическому пути, т. е. он должен быть синтезом всех живых стихий, не исключая и церковнославянский. Ломоносовскую теорию называют теорией трех стилей. Однако К. подчеркивает, что Ломоносов эту теорию не изобрел; она содержится в *Путорике* епископа Вологодского Макария, переведенной с польского в 1617–1619 гг.

В послеломоносовское время в духовной культуре русского общества произошел религиозно-философский переворот, связанный с деятельностью вольных каменщиков. Религиозное и философское движение, именуемое масонством, создало новые условия для развития русского языка. Выразителем тех правил, на которых должен быть основан литературный язык, явился А. П. Сумароков.

В последней трети XVIII в. сформировалась славяно-русская школа, представленная особенно И. П. Елагиним и Д. И. Фонвизиним. Кодифицированные Ломоносовым три стиля русского языка не покрывали жанров переводной литературы. Ведущим жанром литературы второй половины XVIII в. стал роман. К. говорит о славяно-русском языке прозы того времени. В стилистическом аспекте многие славянские слова утрачивали стилистическую окраску торжественности, становились стилистически нейтральными средствами; в семантическом аспекте они зачастую изменяли свое значение. В данном контексте можно припомнить А. Н. Радищева, истощавшего свои усилия в создании славяно-русского языка, мечтавший создать на русском языке сильный выразительный стиль ораторской прозы. С этой целью он обращался к средствам церковнославянского языка. Считается, что его последнее систематическое употребление в русской светской литературе представляет его роман *Путешествие из Петербурга в Москву* (1790).

Со второй половины XVIII в. происходило влияние французского языка на русский язык. Оно выразилось в процессах словообразовательного, семантического и фразеологического калькирования, а также в синтаксисе. Против „галомании“ выступали писатели того времени (В. И. Лукин, Н. И. Новиков, Г. Р. Державин).

На почве сентиментализма в последние десятилетия XVIII в. стал складываться „новый слог“ Н. М. Карамзина, завершившего те тенденции развития литературного языка, которые обозначились у его предшественников. „Новый слог“ многие историки считают началом со-

временного литературного языка. Однако в начале XIX в. вокруг „нового слога“ Карамзина разгорелась ожесточенная борьба. Оппонентом Карамзина выступил А. С. Шишков, президент Российской академии. Шишков протестовал против заимствований и семантических калек из французского языка. Он проповедовал народность как основу культуры, народный язык должен стать важнейшим источником литературного языка, выступал за стилистически богатый литературный язык. На защиту Карамзина выступал П. И. Марков, который отстаивал идеи единства европейской культуры, пропагандировал стирание черт местного своеобразия. Ярким противником Шишкова был Д. В. Дашков, упрекавший Шишкова в недостаточном знании французского языка и проистекающих отсюда ошибках его переводов.

Кажется, что успех карамзинской реформы литературного языка был недолгим. Скоро явилось чувство неудовлетворенности состоянием русского литературного языка как со стороны лексической, терминологической, так и со стороны синтаксической.

На почве реализма, главным образом благодаря А. С. Пушкину, сформировался новый литературный язык. Пушкин сумел создать гибкий, выразительный язык, опирающийся на язык народа и использующий в ограниченной мере и церковнославянское наследие. В его творчестве закрепились общенациональные нормы литературного языка. С Пушкина начинается современный русский литературный язык и окончательно прекращается своего рода „двуязычие“ в сфере литературных речевых актов.

С начала XVIII до начала XIX в. засвидетельствованы оживленные торговые, дипломатические, научные и культурные контакты с западноевропейскими странами. Практическая потребность вызвала к жизни создание переводных и терминологических словарей и словарей непонятных слов. В книге они цитируются; читатель знакомится, как в них распределен словарный материал. Новорусский литературный язык требовал кодификации. Это вызвало к жизни его описание в виде грамматик и толковых словарей. Его нормализация произошла в грамматиках А. И. Греча (*Просторная русская грамматика*, СПб, 1830) и А. Х. Востокова (*Русская грамматика*, СПб, 1839). Началось развитие функциональных стилей новорусского литературного языка. Церковнославянский язык окончательно оттеснился в сферу литургии. Русский литературный язык, таким образом, приобрел национальный характер.

Авторский способ изложения культурологических и исторических вопросов в предлагаемом учебном пособии является одной из его особенностей. Другой его существенной чертой является множество источникового материала. Оно снабжено обилием разного рода неадаптированных примеров из труднодоступных источников с сохранением их орфографии и пунктуации. В конце книги приводится список рекомендуемой учебной литературы, список употребляемых в тексте сокращений и указатель цитированных имен. Книга предназначена как учебное пособие. По нашему мнению, она перегружена слишком подробным изложением проходимых фактов (насчитывает она почти 700 страниц). В настоящем виде она представляет собой скорее монографию, составленную на основании глубоких знаний ее автора.

Aleš Brandner

<brandner@phil.muni.cz>

Opera Slavica. Slavistické rozhledy. Supplementum. Ed.: A. Brandner, J. Gazda. Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity. TRIBUN, EU, s. r. o. Brno 2012, 131 s. ISSN 1211–7676

Jde o zvláštní číslo periodika *Opera Slavica*, které vychází více než 20 let péčí Ústavu slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity v Brně. Toto číslo obsahuje referáty, které byly předneseny na jednodenní konferenci dne 22. listopadu 2011 u příležitosti nedožitých 90. narozenin profesora PhDr. **Romana Mrázka**, CSc.